

Т.В.Ведерникова

**РОМАН И.С. ТУРГЕНЕВА «ОТЦЫ И ДЕТИ» В ОЦЕНКЕ
Н.Н. СТРАХОВА**

Трудно назвать другое произведение русской литературы, появление которого вызвало такой мгновенный и страстный отклик, как «Отцы и дети» Тургенева. По воспоминаниям современницы, «весь наш читающий мир потрясся от романа «Отцы и дети» и весь заговорил» [1;49]. Февральский номер «Русского вестника», в котором был напечатан роман Тургенева, попал к читателям в начале марта, а уже в мартовских номерах «Современника» и «Русского слова» появились обширные рецензии на него М.А.Антоновича и Д.И.Писарева.

Страхов также откликнулся на «Отцов и детей» очень быстро: его статья вышла в четвертом номере журнала «Время», издаваемого братьями Достоевскими, но он уже успел ознакомиться с выступлениями своих предшественников, и его статья – не только о романе Тургенева, но и о рецензиях Антоновича и Писарева, которые обсуждаются критиком не менее обстоятельно, чем сами «Отцы и дети». Естественно, нельзя дать скольконибудь полное и достоверное представление о ней без учета сказанного в этих рецензиях.

И «Асмодей нашего времени» Антоновича, и «Базаров» Писарева не раз привлекали к себе внимание историков литературы и критики и хотя не со всем, высказанным в этих работах можно согласиться, в целом они изучены достаточно продуктивно, и в этой статье нет необходимости возвращаться к их целостному анализу. Представляется, однако, необходимым, хотя бы и с известной мерой гипотетичности, вычленить и осмыслить то в статьях Антоновича и Писарева, что должно было привлечь особое внимание Страхова, вызвало его встречную реакцию и тем самым повлияло на содержание его собственной статьи.

И содержание, и тональность «Асмодея нашего времени» не могут быть правильно поняты вне учета особенностей той психологической атмосферы, в которой он создавался. Кругом «Современника», к которому принадлежал Антонович, Тургенев воспринимался не просто как крупный русский писатель, но прежде всего как автор романа «Накануне», вызвавшего известную статью Добролюбова «Когда же придет настоящий день?», главный виновник раскола в журнале, который был обескровлен уходом из него не только самого Тургенева, но и Толстого, Фета, Григоровича и других известных писателей.

Дополнительный трагический отсвет на эти события бросила последовавшая сразу за ними смерть Добролюбова, которого на посту руководителя литературно-критического отдела журнала сменил именно Антонович, а «Асмодею нашего времени» довелось стать как бы дебютом на новом этапе его деятельности. Естественно, не одним лишь Антоновичем, но и радикальным крылом редакции журнала, и значительной частью читателей-

разночинцев Тургенев изначально воспринимался как враг, которого нужно было разоблачить и обезвредить. Все это в решающей степени предопределяло и изначальный подход критика к роману, и ту оценку, которую он получил.

Суть этого подхода откровенно и однозначно изложена уже на первых страницах рецензии. Для Антоновича «Отцы и дети» не «роман талантливого художника», а «морально-философский трактат, но плохой и поверхностный, который, не удовлетворяя уму, тем самым производит неприятное впечатление и на ваше чувство. Это показывает, что новое произведение г. Тургенева крайне неудовлетворительно и в художественном отношении»[2;44]. «Дело в том, – продолжает критик, – что последний роман его написан с тенденциями, с ясно и резко выступающими теоретическими целями. Это роман дидактический, настоящий ученый трактат, написанный в разговорной форме, и каждое выведенное лицо служит выражением и представителем известного мнения и направления»[2;52].

В действительности, упреки, адресованные Антоновичем Тургеневу, с намного большим основанием могут быть обращены к нему самому. Исходя из собственного принципа, согласно которому художественное произведение рассматривается исключительно как выражение общественных взглядов автора и, не сумев подняться над узкими журнально-групповыми интересами, критик совершенно не разобрался ни в идейной структуре произведения, ни в позициях автора. Завершая свой разбор, он прямо обратился к романисту: «Извините, г. Тургенев, вы не умели определить своей задачи, вместо изображения отношений между "отцами" и "детьми" вы написали панегирик "отцам" и обличение "детям", да и "детей" вы не поняли и вместо обличения у вас вышла клевета»[2;95]. Вопиющая несправедливость подобных суждений, очевидная для нас, была, разумеется, ясна и Страхову.

Сложнее и глубже была позиция Писарева. Хотя и ему совсем не было чуждо стремление подходить к оценке художественного произведения, исходя в первую очередь из выраженной в нем общественной позиции, несмотря на несомненное предубеждение, которое он питал и к Тургеневу и особенно к журналу Каткова «Русский вестник», на страницах которого были напечатаны «Отцы и дети», Писарев сумел увидеть в этом произведении не бездарный трактат, а талантливый роман, в котором к тому же уловлено знамение времени. Поэтому расхождения между Страховым и Писаревым были не так непримиримы, как с Антоновичем, но они были, и их не следует недооценивать.

Если бы мы не знали, что «Асмодей нашего времени» и «Базаров» писались одновременно, можно было бы подумать, что Писарев стремился оспорить Антоновича, опровергнуть не только отдельные оценки, но сам его подход к тургеневскому роману. Вот несколько особенно показательных формулировок, нашедших себе место на первых двух страницах статьи Писарева: «Новый роман Тургенева дает нам все то, чем мы привыкли наслаждаться в его произведениях»[2;102]. Антонович, напротив, вспоминал

«Первую любовь» в подтверждение того, что от Тургенева нечего было и ждать «чего-нибудь особенного и необыкновенного». Писарев: «Роман Тургенева, кроме своей художественной красоты, замечателен еще тем, что он шевелит ум, наводит на размышления, хотя сам по себе не разрешает никакого вопроса и даже освещает ярким светом не столько выводимые явления, сколько отношения автора к этим самым явлениям»[2;103]. Антонович: «Если смотреть на роман с точки зрения его тенденций, то он и с этой стороны так же неудовлетворителен, как и в художественном отношении» [2;58].

Для Антоновича «коллекция современных воззрений, вложенных в уста Базарову; что они такое? Карикатура, утрировка, происшедшее вследствие непонимания, и больше ничего»[2;86]. Писарев настаивает: «На людей, подобных Базарову, можно негодовать, сколько душе угодно, но признавать их искренность – решительно необходимо»[2;105]. «Да ведь это безнравственный человек! Злодей, урод! – слышу я со всех сторон восклицания негодующих читателей. <...> Если базаровщина – болезнь, то она болезнь нашего времени, ее приходится выстрадать, несмотря ни на какие паллиативы и ампутации»[2; 107-108].

Сравнивая Базарова с его предшественниками – самыми популярными и прославленными героями русской литературы, критик без тени колебаний отдает ему решительное предпочтение: «...У Печориных есть воля без знания, у Рудиных – знание без воли; у Базаровых есть и знание и воля, мысль и дело сливаются в одно твердое целое»[2;120]. В отличие от Антоновича, совершенно не разобравшегося в авторской установке тургеневского романа и прямолинейно обвинявшего его автора в том, что он стал на сторону «отцов» против «детей», Писарев разобрался в этой проблеме намного более тонко и правильно.

«На чьей же стороне лежат симпатии художника? – спрашивает Писарев. – Кому он сочувствует? На этот существенно важный вопрос можно отвечать положительно, что Тургенев не сочувствует вполне ни одному из своих действующих лиц; от его анализа не ускользает ни одна слабая или смешная черта; мы видим, как Базаров завирается в своем отрицании, как Аркадий наслаждается своей развитостью, как Николай Петрович робеет, как пятнадцатилетний юноша, и как Павел Петрович рисуется и злится, зачем на него не любит Базаров, единственный человек, которого он уважает в самой ненависти своей»[2;124]. Таким образом, Писарев вплотную приближается к позднему признанию самого Тургенева в том, что Базаров был для него врагом, к которому он чувствовал невольное влечение.

И вот – статья Страхова. Приступая к ее анализу, необходимо иметь в виду одно важное обстоятельство, на которое впервые обратил внимание Н.Н.Скатов, – что, то представление о романе, которое выразил Страхов, отражало и мнение Достоевского, напечатавшего эту статью в своем журнале «Время». «Известно, что роман привлек пристальное внимание Достоевского, Достоевский писал о нем Тургеневу. Тургенев считал отзыв этот лучшей

критикой романа и наиболее глубоким пониманием его. Письмо Достоевского утеряно, об отзыве его мы можем судить лишь по косвенным свидетельствам, в частности Тургенева: "Вы до того полно и тонко схватили то, что я хотел выразить Базаровым, что я только руки расставлял от изумления – и удовольствия... Точно Вы в душу мне вошли и почувствовали даже то, что я не считал нужным вымолвить". Можно восстановить главную "идею" отзыва Достоевского на основе хотя бы "Зимних заметок о летних впечатлениях", где Достоевский писал о беспокойном и тоскующем Базарове (признак великого сердца)» [3;35].

Статья Страхова начинается с обращения к Пушкину, что на первый взгляд кажется естественным, если учесть отношение критика к великому поэту, но приглядевшись несколько внимательнее, мы обнаружим то, чего, исходя из этого отношения, как раз нельзя было ждать, а именно скрытую полемику с пушкинской точкой зрения. Страхов цитирует известные строки из стихотворения «Поэт и толпа»: «Мы малодушны, мы коварны...» и т.д., где высказана точка зрения, которую Пушкин стремится оспорить и опровергнуть. Страхов считал, что она поразила поэта «странным недоумением», сам же он убежден в правоте «толпы», «во всей силе этого запроса на проповедь».

Он апеллирует к Гоголю, который «не только слышал требование проповеди, но и сам уже был заражен энтузиазмом проповедования»[4;182]. Находит у него понимание и то, что критика Белинского в последние годы «вдалась в односторонность и потеряла чуткость, которою отличалась прежде. И здесь потребность проповеди помешала спокойному развитию сил» [Там же]. Так определяется критерий, с которым сам Страхов и, по его мнению, русское общество, подходят к оценке романа Тургенева. Это «требование урока и поучения», это поиски ответа на вопросы: «кого он хвалит, кого осуждает, кто у него образец для подражания, кто предмет презрения и негодования, какой это роман – прогрессивный или ретроградный?» [4;183].

Попытки ответить а этот вопрос вызвали решения «совершенно разногласные»: «одни нашли, что "Отцы и дети" есть сатира на молодое поколение, что все симпатии автора на стороне *отцов*. Другие говорят что осмеяны и опозорены в романе *отцы*, а молодое поколение, напротив, превознесено» [Там же]. Разногласность вызванных романом оценок и толкований как будто подводит к выводу, что в нем то ли нет нравоучения, то ли оно находится не там, где его ищут. Но несмотря на это он «производит сильнейшее впечатление» и «возбуждает такой интерес, какого, смело можно сказать, не возбуждало еще ни одно произведение Тургенева» [Там же].

Разумеется, главное внимание Страхова (как и Писарева, и Антоновича) сосредоточено на Базарове: главный герой романа и составляет теперь «яблоко раздора», но в отличие от своих предшественников, он не видит своей целью творить суд над тургеневским героем: обвинять его, как Антонович, или защищать от обвинений, как Писарев. Для него существенно другое. Базаров не выдуман, не «сочинен» Тургеневым, а взят им из самой жизни, вместе с тем это

и не всем знакомый «ходячий тип», выставленный художником на всеобщее обозрение.

Тургенев, с его особой способностью улавливать движения русской мысли и русской действительности, раньше и вернее других увидел то, что большинству современников представлялось достаточно смутно, «не только в "Отцах и детях", но и во всех прежних своих произведениях он постоянно схватывал и изображал отношения между отцами и детьми»[4;184]. Заслугу писателя критик видит в том, что отдельные черты, знакомые каждому из собственных наблюдений, отдельные мысли, не раз слышанные поодиночке, «недоконченные формы, несложившиеся мнения Тургенев воплотил цельно, полно и стройно в Базарове».

«Базаровы наполовину, Базаровы на одну четверть, Базаровы на одну сотую долю – не узнают себя в романе. Но это их горе, а не горе Тургенева. Гораздо лучше быть полным Базаровым, чем быть его уродливым и неполным подобием. Противники же базаровщины радуются, думая, что Тургенев умышленно исказил дело, что он написал карикатуру на молодое поколение: они не замечают, как много величия кладет на Базарова глубина его жизни, его законченность, его непреклонная и последовательная своеобразность, принимаемая ими за безобразие. Напрасные обвинения! Тургенев остался верен своему художественному дару: он не выдумывает, а создает, не искажает, а только освещает свои фигуры» [4;184].

Здесь каждое слово пронизано острой полемичностью, между тем основные оппоненты – «Современник» и «Русское слово» – еще не названы, это будет сделано несколько ниже. Как станет ясно в дальнейшем мера неприязни, которую встретили у Страхова Антонович и Писарев, далеко не одинакова, тем не менее критик обращает к ним общий упрек в «чисто теоретических и отвлеченных проявлениях известного образа мыслей», в непонимании того, что Тургенев лишь «дал плоть и кровь тому, что явно уже существовало в виде мысли и убеждения». Тем не менее, они представляют большой интерес: «Довольны ли они или недовольны, поняли Базарова или не поняли, – каждая черта здесь характеристична»[4;185].

Лишь после этого Страхов переходит к разбору обеих точек зрения и указывает на их резкую противоположность друг другу: Если «Современник» «желает убить г. Тургенева во мнении читателей, убить наповал, без всякой жалости», то статья Писарева представляет собой «столь радикальное противоядие злым намерениям "Современника", что лучше не остается желать» [4;185-186]. Благодаря прямоте и откровенности, которыми известен Писарев, «роман Тургенева получил блистательнейшее подтверждение, какого только можно было ожидать»[4;186]. Обширные цитаты из писаревской статьи не оставляют сомнения в мере поддержки, которую нашел ее автор у Страхова.

Вместе с тем отношение обоих критиков к Базарову не идентично. «Люди отрицательного направления», к которым Страхов, естественно, относит и Писарева, «не могут примириться с тем, что Базаров в отрицании дошел до

конца». Они недовольны тургеневским героем за то, что он мало заботится о своей наружности и одевается небрежно. Писарев даже усматривает в этом «коварный умысел уронить и опошлить своего героя в глазах читателей». Разговор об изяществе манер и о тонкости обращения, как известно, предмет весьма затруднительный, – иронизирует Страхов. – Наш критик, как видно, большой знаток в этом деле, и потому мы не станем с ним тягаться»[4;188].

Сам же он убежден, что логика характера Базарова увидена Тургеневым правильнее, чем Писаревым: «изящные манеры и хороший туалет, конечно, суть вещи хорошие, но мы сомневаемся, чтобы они были к лицу Базарову и шли к его характеру»[4;189]. Глубокий аскетизм, пронизывающий все стороны личности Базарова, по его убеждению «черта не случайная, а существенно необходимая». Он ест вкусные обеды, пьет шампанское, может поиграть в карты, что дает основание Антоновичу заявить, что Тургенев вывел своего героя обжорой, пьянчужкой и картежником. Но тот высший аскетизм, которому предан Базаров, состоит в отказе не от «того, что может погубить тело, а от того, что погубляет душу» – от «наслаждения тщеславством, джентльменством, мысленным и сердечным развратом всякого рода» [4;189].

Страхов сосредоточивает внимание не только на том многом, в чем Антонович и Писарев занимают противоположные позиции, но и на том немногом, в чем их позиции совпадают: Базаров «не хочет любоваться природою и не признает искусства. Обоих наших критиков это отрицание искусства привело в великое недоумение» [4;190]. Исходя из всего, что мы знаем о Страхове, можно было ждать, что отрицание искусства не может найти у него поддержку. Но Страхов в своем анализе тургеневского героя исходит не из собственных вкусовых предпочтений, а из своего понимания логики его характера.

«...Искусство, – пишет он, – есть нечто слишком *сладкое*, тогда как Базаров никаких сладостей не любит, а предпочитает им горькое. Выражаясь точнее, но несколько старым языком, можно сказать, что искусство всегда носит в себе элемент примирения, тогда как Базаров вовсе не желает примириться с жизнью»[4;191-192]. Это тем более важно для критика потому, что «Базаров в этом случае представляет живое воплощение одной из сторон русского духа. Мы вообще мало расположены к изящному; мы для этого слишком трезвы, слишком практичны»[4; 192-193].

Казалось бы, как можно было ждать от Страхова, что он солидаризируется с базаровским отрицанием науки? Да он и не солидаризируется, он не переходит на позицию тургеневского героя, зато он вскрывает внутреннюю логику этой позиции. «Вражда против науки есть также современная черта, и даже более глубокая и более распространенная, чем вражда против искусства. <...> Отрицание отвлеченных понятий, отрицание мысли составляет следствие более крепкого, более прямого признания действительных явлений, признания жизни. Это разногласие между жизнью и мыслью никогда так сильно не чувствовалось, как теперь <...> Мы знаем, что

занятия науками отвлекают от жизни, порождают доктринеров, мешают живому сочувствию к современности»[4;195].

Антонович обвинял тургеневского героя, Писарев оправдывал, а Страхов объяснял, что «Базаровы, как скоро они стали действительно Базаровыми, не имеют никакой нужды оправдывать себя <...> Им нет нужды доказывать свои права на существование, потому что они уже действительно существуют»[4;196-197]. Здесь Страхов перекликается с Писаревым, так же утверждавшим, что «если базаровщина болезнь, то она болезнь нашего времени». Но для почвенника Страхова еще важнее, чем для Писарева то, что в Базарове он увидел национальный тип, выходца из народных глубин. В этом страховское восприятие Базарова совпадало с восприятием Тургенева, который, как известно, даже сравнивал Базарова с Пугачевым.

«Весьма замечательно, – писал Страхов о герое «Отцов и детей», – что он, так сказать, *более русский*, чем все остальные лица романа», что он «близок к своей народности», «его речь отличается простотой, меткостью, насмешливостью и совершенно русским складом. Точно также, между лицами романа он всех легче сближается с народом, всех лучше умел держать себя с ним». Отсюда сила его натуры, воссозданной, как пишет Страхов, «с удивительным мастерством». «...Тургенев, создававший до сих пор, так сказать, раздвоенные лица, например Гамлета Щигровского уезда, Рудина, Лаврецкого, достиг, наконец, в Базарове до типа цельного человека. Базаров есть первое сильное лицо, первый цельный характер, явившийся в русской литературе из среды так называемого образованного общества»[4;198].

«В чем же состоит действие романа?», – задается вопросом Страхов и уделяет несколько страниц тому, что на первый взгляд может показаться пересказом содержания романа, но такое представление было бы неточным и неполным. В действительности в центре внимания критика остается именно Базаров, многогранность его характера, проявление различных его качеств, порой противоречивых, но позволяющих правильно оценить целостность его облика и заложенную в нем стержневую идею. И завершает он этот мнимый «пересказ» словами: «Таков образ Базарова и для нас. Он не есть существо ненавистное, отталкивающее своими недостатками; напротив, его мрачная фигура величава и привлекательна»[4;205].

На последних страницах статьи Страхов возвращается к тому, с чего он ее начал – к общественному «запросу на проповедь» и к тому, как ответил на него Тургенев. Критик вновь повторяет уже звучавший вопрос: «Какой же смысл романа. Составляет ли, по-вашему, Базаров предмет для подражания? Или же, скорее, его неудачи и шероховатости должны научить Базаровых не впадать в ошибки и крайности настоящего Базарова? Одним словом, написан ли роман *за* молодое поколение или *против* него? Прогрессивный он или ретроградный?» [Там же].

На вопрос, хотел ли Тургенев быть «поучительным», Страхов отвечает утвердительно. Но задачи этого поучения выше и сложнее, чем это может

показаться. «Написать роман с прогрессивным или ретроградным направлением еще вещь нетрудная. Тургенев же имел притязания и дерзость написать роман, имеющий всевозможные направления» Он «написал роман не прогрессивный и не ретроградный, а, так сказать, *всегдашний*», подобно математике, который был бы очень удивлен, если бы его стали расспрашивать, прогрессивная или ретроградная у него теорема, «сообразна ли она с *новым* духом или же угождает *старому*», и он бы ответил: «моя теорема есть *вечная истина*» [4;206].

«Если мы так пойдем роман Тургенева, то, может быть, перед нами всего яснее обнаружится и то нравоучение, которого мы добиваемся. Нравоучение есть, и даже весьма важное, потому что истина и поэзия всегда поучительны». В чем же состоит нравоучение, заложенное в «Отцах и детях» и какими средствами Тургенев внедряет его в сознание читателя? Отвечая на этот вопрос, Страхов пишет абзац, который представляет собой может быть, лучшее, самое глубокое и проникновенное место во все его статье, которое дает материал для заключения не только о мастерстве писателя, но и проникновенности, тонкости и точности зрения критика.

«Итак, вот оно, вот то таинственное нравоучение, которое вложил Тургенев в свое произведение. Базаров отворачивается от природы; не корит его за это Тургенев, а только рисует природу во всей красоте. Базаров не дорожит дружбою и отрекается от романтической любви; не порочит его за это автор, а только изображает дружбу Аркадия к самому Базарову и его счастливую любовь к Кате. Базаров отрицает тесные связи между родителями и детьми; не упрекает его за это автор, а только развешивает перед нами картину родительской любви. Базаров чуждается жизни; не выставляет его автор за это злодеем, а только показывает нам жизнь во всей ее красоте. Базаров отвергает поэзию; Тургенев не делает его за это дураком, а только изображает его самого со всей роскошью и проницательностью поэзии» [4;208].

Страхов, как и его единомышленник Достоевский, сумел ощутить и в доступной для него мере объяснить трагизм Базарова. Хотя Базаров намного выше других персонажей романа, есть что-то, что стоит выше Базарова. «Что же это такое? – спрашивает критик и отвечает на этот вопрос. Подобно тому, как Гоголь считал, что в «Ревизоре» единственное честное лицо – это смех, так в «Отцах и детях», по утверждению Страхова, лицо, стоящее выше всех и даже выше Базарова, – это жизнь. И Базаров в романе побежден не какими-то лицами или случайными обстоятельствами, а самой идеей этой жизни. Критик пренебрежительно, можно даже сказать, несколько брезгливо отмечает предположения, что Тургенев писал свой роман «с заднею мыслью, что он недоволен *новым* поколением и хочет покарать его». Но если бы дело и обстояло так, то и «в таком превратном и недостойном поэта смысле все-таки победа остается на стороне Тургенева» [4;209].

Создав Базарова, Тургенев показал, что он понимает идеи «Современника»: (идеи нового поколения, разночинной молодежи,

«нигилистов» и т.п.). Более того, он их схватил, воплотил в свои образы показал в своем неотразимом свете. Он изобразил вас «не только в ваших мыслях, но и во всех движениях вашего сердца, во всех тайнах вашего существа, которых вы сами не замечали» [4;210].

За полтора века, минувшие после появления статьи Страхова, «Отцы и дети» исследовались многократно и плодотворно. Разумеется, было бы ненужным преувеличением изображать всех этих авторов последователями Страхова. Они намного возвысились над ним, предложив и обосновав значительно более глубокие и точные трактовки и образа Базарова, и тургеневского романа в целом, чем те, которые содержит его статья. Но если мы зададимся вопросом, кто из авторов первых откликов на «Отцов и детей», в наибольшей степени приблизился к их позднему и современному прочтению, то это не Писарев, и уж конечно, не Антонович, а именно Страхов.

Позиция Антоновича была откровенно «партийной» и пристрастной. Его статья важна и интересна не потому, что она помогает правильнее и глубже понять рецензируемое произведение, а потому, что она запечатлела его восприятие и отношение к нему широкого и значимого общественного слоя, глашатаем которого был «Современник», разночинной молодежи, революционно настроенных кругов, самого передового и даже героического, что было в тогдашней России. В известном смысле на близких к «Современнику» позициях стояло и «Русское слово». Да и по возрасту оба критика не очень отличались: Антоновичу в 1862 г. было 27 лет, Писареву 22. Но относительно свободный от элемента «партийности», подход к «Отцам и детям» Писарева включал существенный момент личной сопричастности и даже исповедальности. Говоря о трагизме Базарова, Писарев разумел и себя и таких же, как он, «нигилистов». Как справедливо отметил современный исследователь «в пристрастную интерпретацию Базарова критик привносит много личного, выстраданного – от несчастливой любви до интереса к естествознанию и идейному радикализму» [5;617].

Подход Страхова был свободен от подобных уязвимых мест. Хотя его статья писалась сразу после выхода «Отцов и детей», он сумел взглянуть на роман Тургенева взглядом историка и оценить его в перспективе. Конечно, и в ней отразились общественные и эстетические позиции автора. Но он подошел к разбираемому произведению несравненно беспристрастнее, чем его предшественники, а если и был пристрастен, то разве что к Тургеневу. Его статья практически свободна от каких-либо укоров или упреков, обращенных к автору. Он стремился увидеть Базарова как бы глазами самого писателя. Он считал, что «Отцы и дети» были победой Тургенева. Эту мысль он повторил несколько раз и считал своей главной задачей обосновать ее с максимальной мерой убедительности.

Литература

1. Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки. – М-Л.: Academia, 1934. – 585с.
2. Роман «Отцы и дети» в русской критике. – Л.: Изд. ЛГУ, 1986. – 384 с.
3. Скатов Н.Н. Критика Николая Страхова и некоторые вопросы русской литературы XIX века // Русская литература, 1982. – № 2 – С. 30-51.
4. Страхов Н.Н. Литературная критика. – М.: Современник, 1984. – 432 с.
5. Кондаков И.В. Писарев // Русские писатели 1800-1917: Биографический словарь. – М.: Большая советская энциклопедия, 1999. – С. 613-622.

Аннотация

Ведерникова Т.В. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» в оценке Н.Н. Страхова.

Литературно-критические работы Н.Н. Страхова представляют интерес и как составная часть его творческого наследия, и как отдельная страница в истории русской литературной критики. Сам И.С. Тургенев считал страховский анализ романа одним из самых глубоких, содержательных критических отзывов об «Отцах и детях» и наиболее адекватной работой, соответствующей авторскому замыслу. Концепция критической оценки Н.Н. Страхова анализируется в историческом контексте полемики его современников и известных критиков того времени, которая возникла в связи с выходом романа в свет. В статье показана оригинальность подхода Н.Н. Страхова к творчеству И.С. Тургенева, глубина его анализа, точная трактовка образа Базарова, раскрытие сущности нигилизма, верные суждения относительно тенденциозности романа, его истинного смысла, общественных и эстетических позиций автора, а также масштабность сделанных выводов, приблизившие страховский разбор романа «Отцы и дети» к его современному прочтению и пониманию.

Ключевые слова: литературная критика, исторический контекст, полемика, нигилизм, авторский замысел, тенденциозность, истинный смысл, эстетические принципы, современное прочтение.

Анотація

Ведернікова Т.В. Роман І.С. Тургенева «Батьки та діти» в оцінці М.М. Страхова.

Літературно-критичні праці М.М. Страхова є цікавими і як складова частина його творчої спадщини, і як окрема сторінка російської літературної критики.

Сам І.С. Тургенев вважав аналіз Страхова одним з найбільш вагомих, адекватних та обгрунтованих критичних відгуків та оцінок роману «Батьки та діти», відповідно до авторського задуму. Концепція нарису Страхова аналізується в історичному контексті полеміки його сучасників та відомих критиків того часу, що виникла разом із появою роману. В статті висвітлюється оригінальність підходу критика до творчості І.С. Тургенева, глибина його критичного аналізу, точність трактовки образу Базарова, розуміння сутності нігілізму, вірність висловлювань щодо тенденційної спрямованості твору, його істинного сенсу, суспільних та естетичних позицій письменника та масштабність зроблених висновків, що суттєво наближують страховську оцінку роману «Батьки та діти» до його сучасного розуміння та сприйняття.

Ключові слова: літературна критика, історичний контекст, полеміка, нігілізм, авторський задум, тенденційна спрямованість, істинний сенс, естетичні принципи, сучасне сприйняття.

Annotation

Vedernikova T.V. Turgenev's novel «Fathers and Children» in Strakhov's critical evaluation.

The critical and literary works by N.N. Strakhov are interesting as a composite part of his creative heritage, and as a separate page of the history of Russian literary critique. Moreover, I.S.Turgenev considered Strakhov's analysis of novel «Fathers and Children» to be one of the most complex, fundamental, substantial and adequate critical work which corresponds to the main author's idea. The conception of the critical essay is analysed on the basis of polemical context of his contemporaries and other famous critics of that time, evolving from the publication of the novel. The article reflects Strakhov's eccentric manner to Turgenev's creative activity, the depths of his analysis, the exactness of Bazarov's character interpretation and the essence of nihilism, the correctness of statements about the novel directivity, it's true sense, social and aesthetic author's principles, the scale of the drawn conclusions and other distinctive features which made Strakhov's critical assessment of the novel closely related to the contemporary comprehension of this creative work.

Key words: literary critique, historical context, polemics, nihilism, author's main idea, directivity, true sense, aesthetic principles, contemporary comprehension.

Статья прорецензирована и рекомендована к печати доктором филологических наук, профессором Фризманом Л.Г.